

ДЕКАБРЬ 1926 ГОД

ЦЕНА 15 КОП.

Рис. Н. Радлова

смихачь

Даже окончившие школу 2-й ступени пишут с грубыми ошибками.

Из газет.

НА ЭКЗАМЕНЕ

СМЕХАЧИ: — Как же быть? В таком простом слове—„Смехач" он сделал две ошибки...

— Полагаю, что на фоне общей малограмотности мы можем признать его условно грамотным.

ОСТОРОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рис. Б. Малаховского

— Спасибо, гражданин, что встать помогли. Только обождите уходить, покуль я карманы проверю...

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Собравшийся на-днях всеяпонский конгресс содержателей публичных домов открылся большой программной речью некоего Цуруды скромного владельца одного из токийских домов терпимости. *Из газет*

Бичевателей конгресса
Вы отыщите — до беса!
Я ж — совсем наоборот:
Фарисейством я не болен
И воспеть в стихах доволен
К делу правильный подход.
Чем он хуже, дом публичный,
Двуязыкой и двуличной
Лиги Наций, например,
Что открыто продается
И любому отдается
Из клиентов высших сфер?
Этот дом в почете ныне:
Де-Ривьера, Муссолини,
Пан Пилсудский, наконец...
Эти бравые „камельи“
Превратить давно сумели
Отчий дом свой во дворец!
Где бурлил разврат когда-то,
Там камелия-диктатор,
Распростившись со стыдом,
Нынче зверствует и злится —
Всю страну свою ярится
Превратить в публичный дом.
Все оттуда! все оттуда!
И японцам бы не худо
Эту мудрость восприять,
Как с матраца вверх взбираться
И на пышные палаццо
Чайный домик променять.
Бичевателей конгресса
Вы отыщите — до беса!
Я ж — совсем наоборот:
Лицемерьем я не болен
И воспеть всегда доволен
К делу правильный подход!

В. Князев

ЧЕХАРДА

(Дневник 9-го разряда)

По данным РКИ во многих учреждениях замечается излишне частая смена руководителей.
Из газет.

Январь. Понедельник, 9-го. Просто горе! Учреждение наше огромное, аппаратов наставлена тысяча — только вот аппарат никак не налаживается.

В среду нового зава назначили, — ничего, любопытный такой, — пошел с учрежденьем знакомиться, да и пропал. Ходил день в коридорах, ходил — два, а на третий человека встречает, небритого.

— Ради бога! — к нему, — вы не здешний ли? Помогите мне к моему кабинету отсюдова выбраться, есть, дескать, хочу и дела срочные. А небритый в ответ:

— Да я сам здесь неделю, словно почка блуждающая... никак выхода не найду, а ночую под лестничкой. Ничего. Только крысы калошу объели. И руку.

Вчера к вечеру выбрался зав, да уж поздно было — к нам новый назначен. Ничего На скрипке играет. Из оперы, что ли.

Вторник, 10-го. Новый зав начал дело налаживать, свет велел в коридоры пустить, штук двести дощечек эмалевых с чином, именем и фамилией, заказал, чтобы больше не путаться. Не успели дощечек прибить, перебросили зава в „Нефтьсользакупсбыт“, а вместо него уже третий назначен. Ничего. Энергичный такой. Из Угрозыска, что ли.

— Экономию — кричит — разбазариваете? Этикетки на дверь — деньги на ветер?! Убрать! Ознакомиться! Доложить!

И велел на бумаге во всю экономить. Пришлют нам отношение, а мы на обороте ответ настрочим, вот, глядишь, осьмушку и сэкономили. Даже стали по два номера на бумажке писать: на одной стороне в АБВ, на другой — в ГВД, а там пусть разбираются. Вообще, очень много достигнули к вечеру, но вдруг третьего сняли и прислали четвертого.

Среда, 11-го. Ничего. Пытливый такой. Доктор, — что ли. Пульсы щупал. — Ага! Вот почему, говорит, — у вас здесь не налаживается! Да вы о научном труде и понятия не имеете! Я вас выучу! И сейчас за конторщика.

— Разве этак сидят, молодой человек? Кто перо этак держит? Руку выше! Дышать на три счета, ать, два! Бухгалтер! Счеты справа и наискось, на три четверти дюйма от края... А вы, — к машинистке, — что согнулись? Вы 15% усилий теряете! Выше бюст!

Четверг, 12-го. Доктор взят. На газету. А у нас, с утра, пятый. Ничего. Иностранец такой. Из торгпредства, что ли.

— Тимес ист, — говорит, — монета! А вы часы воруете!

— Как? — испугался местком. — Да откуда вы взяли? Да в наших профжелезных рядах никогда еще этого не было..

— Да я не про то! Разве это работа? Ну, да я налажу! И велел отмечать по часам, кто что делает и чтоб каждое дело в тетрадку записывать. Для учета. И для выговора. Но, однако, вместо этой Америки одна Африка вышла. Беги на часы посмотреть, да отметь, да пиши, а кончишь, — опять за часами беги, а часы-то — в шестом этаже. А свои, сами знаете, если ходят, так не дальше ломбарда.

До системы, бывало, две бумажки в минуту писали, а тут так производство упало, что даже комиссия к нам нагрянула. Уж не контра ли, дескать, какая?

Пятница, 13-го. День несчастный. Американца от нас в Земотдел перебросили, а к нам в полдень шестого прислали. Ничего. Физкультурный такой. Из Госцирка, что-ли.

Обещал все наладить. В кабинете трапецию приспособить велел. В целях отдыха для ума. Фортки тоже открыл. Машинисткам велел ходить в трусиках. Мы, признаться, обрадовались. Да жаль, убирают, слыхать, его к вечеру. В детдом, что ли.

Суббота, 14-го А седьмой самый странный. Деловитый такой. Но откуда — не знаю.

Утром в десять явился, в полдень мандат себе выправил, в два авансище взял, в три простился, а в четыре сел в поезд и фьють! Вопрос на местах изучать.

Июль 1-го. Странный зав самый хитрый. Как уехал тогда в январе, так с тех пор и катается. А сменить его издали невозможно.

А мы здесь. И все очень отлично наладилось.

Леонид Саянский

ЖИЛПЛОЩАДЬ В ДРЕВНОСТИ

Рисунки Н. Радлова

Когда сидишь на небольшой, карманного типа, нередко — холодной, протекающей и всегда дорогой жилплощади нашего времени, хочется найти хоть какое-нибудь утешение.

Что же может лучше всего утешить, как не мысль о том, что у других бывали положения и хуже.

История — седая, древняя история — вот та область, в которую мы должны обратить взоры, вот где мы найдем квартирки, по сравнению с которыми наши покажутся сущим раем.

Да вот, кстати, возьмем хоть этот хваленый рай, жилище Адама и Евы.

Не спорю, - жилплощадь, занятая первыми людьми, была прямо-таки нэпманская. Что-то около тысячи квадратных саженей.

А ну ка, подсчитайте, ежели лицо свободной профессии или торговец? Вытянет? Заплатит за этакий танцовальный зал по 9 рублей за сажень? Никогда!

Хорошо, конечно, что Адам числился безработным. С безработного много не возьмешь.

Что же особенного представлял собою рай? Ничего. Никаких элементарных удобств. И даже крыши не было—и не то, чтоб развалилась или проржавела, а просто не было.

Сверху тебя дождем мочит, с боков тебя ветром продувает. И, вдобавок, помещение проходное: всякий змей шляется, всякий там слон какой-нибудь или обыкновенная корова прут через тебя и пакостят на тебя же.

Вот и рассудите: был смысл занимать на двоих такое громадное помещение?

Недаром же, когда пришел исполнительный лист на выселение, Адам прямо и сказал:

— С нашим удовольствием съедем! Мы, говорит, думали с женой, что хозяин — порядочный бог. А он прямо жулик. Ни уборной, ни ванной, ни отопления, ни освещения!

Вот вам хваленый рай.

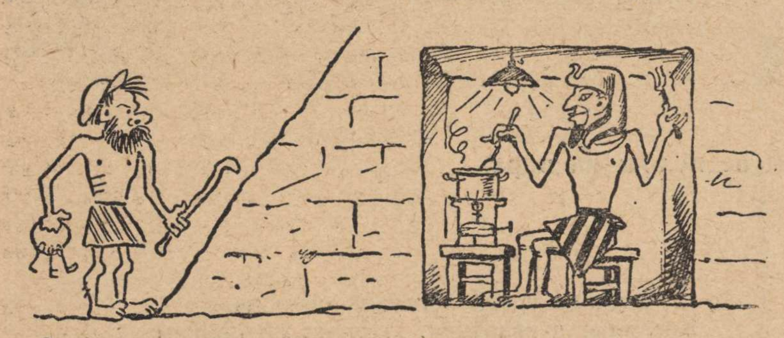
Не знаю, как вы, читатель, а я твердо предубежден против рая. То есть, ни ногой туда!

И скажи мне сейчас господь-бог:

— Товарищ Прутков! Квартирка у тебя неуютная: правую ногу втащишь, левая на воздухе, за дверью. Не хочешь ли — сдам тебе рай? Можно, ежели чересчур много, поставить перегородку...

— Нет—скажу—не сдавай, господи. Ищи дураков в другом месте.

Не менее странными и неуютными, в смысле жилплощади, следует признать и появившиеся впоследствии пирамиды бывших фараонов.

Слов нет, домишки эти, построенные из камня, отличаются изумительной прочностью. Мой знакомый из откомхоза не раз говорил с завистью:

— Да! Вот это постройки! Пять тысяч лет без ремонта стоят и не валятся!

Но так ли хороши эти пирамиды? Что в них симпатичного, кроме прочности? Заглянем внутрь и сразу убедимся, как обманчива внешность!

Обыкновенная пирамида, по сравнению с раем, представляла как раз обратную картину. Две-три темные комнатушки, обставленные саркофагами. Ни одного окошечка в толстых стенах. Опять же—ни ванной, ни уборной.

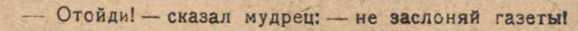
Только нетребовательные мумии из буржуазного класса могли занимать подобные квартиры.

Значительно симпатичней выглядел небольшой особняк для одинокого, придуманный известным мудрецом Диогеном Синопским.

Нужно припомнить, что отец Диогена был капиталист, а именно—меняла и фальшивомонетчик. И вот, учитывая происхождение, Диогена обложили по высшей ставке!

Что же делает этот мудрец? Он берет бочку из-под маринованных сельдей и поселяется в ней. Горе фининспекторов не поддавалось описанию. Рассказывают, что даже сам бывший царь, Александр Македонский, однажды запросто заглянул в бочку к Диогену, пораженный столь ловкой уверткой. Мудрец в эту минуту читал вечерний выпуск газеты.

— Ну, как, устроился? — спросил царь.

— Отойди! — сказал мудрец: — не заслоняй газеты!

По сравнению с пирамидой, Диогенова бочка, конечно, имела преимущества. В ней было светло. Но она совершенно не годилась для людей, любящих лежа плевать в потолок: стоило бочке немного откатиться, и заплеванный потолок делался полом. А тогда уже и лежать на нем было мокро.

Очень оригинальную попытку увильнуть от непосильной квартплаты проделал один древний служитель культа, некий Иона.

В поисках дешевой квартиры, он наткнулся на живого кита и решил в нем поселиться. Кит согласился. Он только предупредил:

— Осторожно ходите по кишкам,—они тонкие. И не шумите после 11-ти часов вечера.

Но в первый же день пророк Иона принялся стряпать на буржуйке фаршированную щуку. Кит ошалел от дыма, шедшего через его нос, и моментально отправил в себя письмо:

«Дорогой пророк, Иона Рафаилович! К сожалению, жду тетку из провинции, поэтому прошу очистить меня в трехдневный срок. *Кит*».

Как мы знаем, Иона действительно пробыл во чреве китовом только три дня и был выплюнут.

Впоследствии он сам отзывался очень неблагожелательно насчет покинутой квартирки:

— Дрянь! Это же не дымоходы, а прямо шарлатанство! А кит и в китовый ус себе не дует!..

В той же седой древности пристального внимания заслуживает жилплощадь, именовавшаяся столпом. Одного взгляда на столп достаточно, чтобы разочароваться в подобном жилище. Столпы строились с расчетом на одного человека.

Приведенный рисунок выявляет всю экономичность столпа, в смысле квартплаты, и тогдашний откомхоз был вынужден представить проект о взимании платы с каждого вершка, а не с метра или сажени.

Мода строить столпы одно время захватила всех. Обычными для тогдашних газет были заметки—«Столпотворение налаживается!»

Но вскоре жильцам столпов стало неуютно. Они начали постепенно пристраивать разные полезные учреждения, начиная с уборной, и столпники превращались в обыкновенные домишки, теряя вместе с тем все квартплатные преимущества.

Вот, читатель. Мы прогулялись в седую древность. И, не правда ли, на душе стало легче, и твоя унылая квартирка как-то посветлела.

Что там ни говори, а в древности было много хуже.

Ив. Прутков

СВОИ РЕБЯТА

Рис. К. Рудакова

— Знаешь? Ты совсем не похож на вора!
— На то я и вор.

ТОВАРИЩ ТЕТЮШИН

Товарищ Тетюшин поправил очки
И хлопнул с чувством себя по жилету:
— „Наследье царизма мы рвем на клочки!
Старый быт призываем к ответу!

Довольно мужчине играть роль героя...
Построим мы новый, советский брак...
Стыдно, товарищи, в дни Волховстроя
Поддерживать дома семейный мрак!

Хватит женщине гнить в кабале...
Не время ли сбросить с мещанства личину?!
Свободная женщина на свободной земле
Свободного честно полюбит мужчину!!!“

Люди в зале, нацеливши уши,
Хлопали дружно, кричали „ура“.
Глотнув из стакана, оратор Тетюшин
Решил, что домой уходить пора.

Шлепал по грязи в глухой стороне.
Ввалился в квартиру. Шарил по полкам...
— Стерва, ушла, не сказавши мне!..
И залег на кровати волком.

Гражданка Тетюшина слушала мужа
На том же собраньи, тайком в углу.
Торопилась домой, шагала по лужам
И слезы счастья роняла во мглу:

— Как он красиво грозил кабале,
Бабьих бед отыскавши причину!..
„... Свободная женщина на свободной земле
Свободного честно полюбит мужчину...

Вернулась...
— С доклада? С какой это стати?
Кто разрешил?? Кто—наставник жене???
... И бил ее злобно на мужней кровати
Свободной рукой по свободной спине...

Александр Флит

СОМНЕНИЕ

Привлечение всех граждан на борьбу с хулиганством.

Газетный заголовок.

— Против Деникина шел, против Колчака шел, против Юденича шел, окопы под Невским рыл, проволочные заграждения ставил, с дезертирами, бандитами, налетчиками боролся, лед скалывал, помойки с дохлыми кошками чистил, был персонально - ассенизационным обозом... Пожалуйста, и с хулиганами поборюсь.

У Митьки усы—колечком, силищи—ьо!.. Дунет—и где ты человек?!

А ежели он финским ножичком между ребрами моими для вентиляции форточки прорежет? Застрахован я?

И потом как это можно: все граждане. И Марь Васильевна тоже? А если она любит поэзию и, вообще, прекрасными лориганными ручками за грязного хулигана?! По-озвольте, протестую!!

Волокут пьяного, он бузит, с милиционером физкультурит, с дворниками футболит грязными сапожищами, матерщинится в тысячу лошадиных сил, пиво из него уж носом идет... Как тут подступиться в лаковых туфельках да юбочке, что коленкам ходу не дает?

А наш профессор из 30-го номера к примеру, Петр Петрович, какой он борец с хулиганами? Привлеки его—он пенсне на шнурочке в воздухе покрутит покрутит да начнет про хулиганство накручивать с самого Адамого сына—Каина... а хулиган так и стал ждать пока лекция кончится?!

Не дело. Ей-ей, не дело этого Петра Петровича включать в общую антихулиганскую мобилизацию.

А ежели уже проводить, то, пожалуйста, через медицинскую комиссию. Может, у меня, извините грыжа, а он в нее ногой пихнет, кто мне за грыжу ответит? Милиция? Хулиган?

А ежели дамочка, извините, на седьмом и преждевременно выйдет в тираж—кто за нее донашивать будет? Милиция? Хулиган?

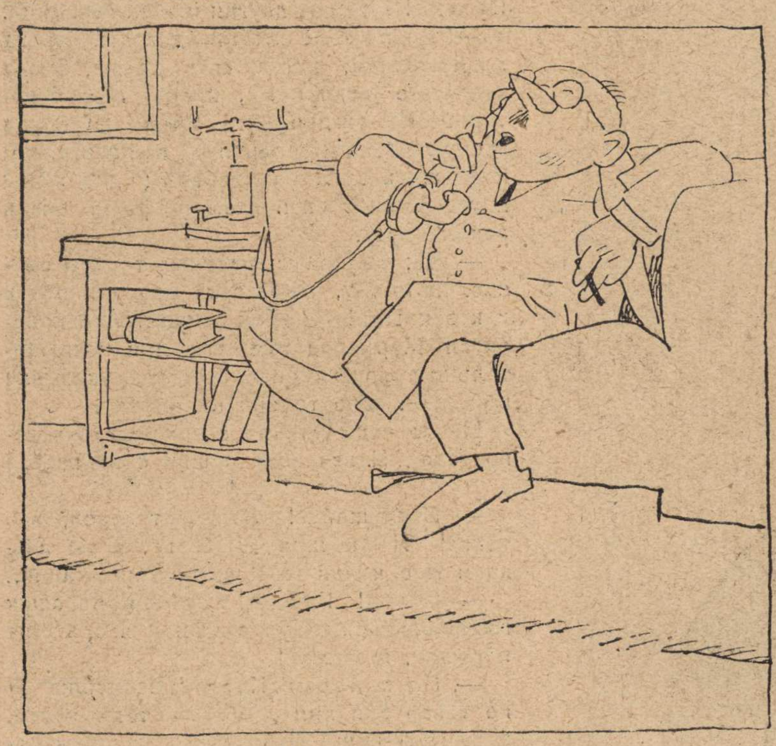
Берет меня сомнение относительно моей сознательности... И до того уж сомневаюсь в своей сознательности, что прямо и честно скажу вам: как скандал увижу—за версту хоть—сразу в переулок сверну, под ворота шмыгну, либо в подъезд да одним духом, даже ежели дом пятиэтажный, до шестого этажа домчусь, либо в трамвай на ходу вскачу, не взирая на штраф!

Однако, декрета не нарушу, ибо до факта привлечения меня к борьбе дело не дойдет.

Исидор Гуревич

КАК ЗАВ РАЗГОВАРИВАЕТ —

Рис. Б. Антоновского

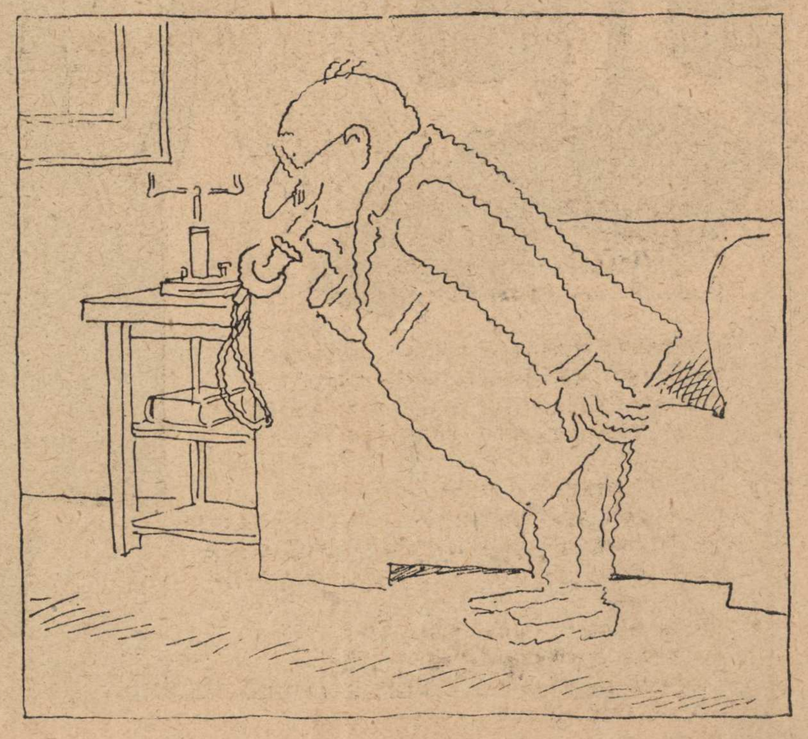
С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ МЕСТКОМА

С ЗАКАЗЧИКОМ

С ХОРОШЕНЬКОЙ МАШИНИСТКОЙ

С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ТРЕСТА

СИСТЕМА

Когда Семен Яковлевич Мармелад, владелец частной фирмы по производству косметики, чихал, он сам себе говорил: на здоровье! Когда финиспектор вызвал однажды Мармелада для объяснений, Мармелад начал хвапить финотдел и все его порядки с таким жаром, что даже фининспектору стало неловко. А когда Мармеладу надоели его копеечные барыши и госмагазины по-соседству, он купил большой плакат и повесил его у себя в лавке. На плакате были следующие огненные слова:

> Все в кооперацию!
> От частного обмана—к плановой торговле!

— Ты с ума сошел? — спросила жена Мармелада, увидав этот плакат.

— Во всем нужна система! — загадочно улыбался Семен Яковлевич. — Этот плакат есть то „на-здоровье", которое я сам себе говорю, когда чихаю...

— Тебе кажется на семью и на собственные дела тоже начихать! — сердилась жена.

Но Мармелад был молчалив, как запломбированные духи, и загадочен, как содержание заграничной коробки пудры.

В тот же день Мармелад купил партию косметики в госмагазине Косметика была в красивых упаковках с внушительными гарантиями, написанными на трех языках, с популярными названиями и с марками госпарфюмерных фабрик. Истратив на эту покупку кучу денег, Мармелад поставил самовар.

— Пей лучше чай, чем проливать слезы! Слезы—соленые, а чай—сладкий!—сказал он плачущей жене.

А напившись чаю Мармелад открыл водопроводный кран, положил в раковину все покупки и, улыбаясь, глядел, как вода проникала в запечатанные коробки пудры, пасты и порошка.

Жена билась в истерике . Дети плакали... Мармелад радовался...

— Дайте мне пудры! —говорит Мармеладу покупательница.

— Вам, конечно, госфабрики! Я думаю, что вы не станете просить пудры моей фирмы, которая пока еще маленький новорожденный, который за себя слово сказать не может!

— Да, да! Дайте мне „Лебедь".

— Лебедь! Пожалуйста! Это же не пудра, а прямо сказка, по крайней мере, так хвалят ее на госфабриках... Я лично пудрю свою жену пудрой собственного производства. Но вкусы же разные! Один любит лебедя, а другой вовсе лебедку, как поет свою лебединую песнь главный певец в балете „Лебединое озеро"!

— Отпустите мне крем против пятен на коже!—просит другая покупательница.

— Крем? Я не смею предлагать своего производства, когда есть такие, всюду хвалимые рекламами, кремы гослабораторий! Не угодно ли: крем „Красная веснушка", вы пальчики оближете, помазавшись... Я не пробовал; для жены я употребляю свой крем, но фирма очень рекомендует.

— Да; вы правы; частные товары сейчас, по-моему, не могут конкурировать с казенными! — И всем покупателям предлагал Мармелад все эти дни исключительно товары госпроизводства, указывая при этом обязательно на плакат.

Много воды утекло с тех пор из водопровода .. И вся вода пошла с пользой.

* * *

— Послушайте! Это чорт знает, что такое! Я просила „Лебедь", а вы продали мне какой-то мокрый комок каши...

— Обман! Грабеж! Зубной порошок гослаборатории, купленный у вас, это не порошок, а кисель!

— Паста и крем „Красная веснушка" — не товар для лица, а для того места, которыми наши фабриканты должны касаться скамьи подсудимых за такое производство.

— Граждане!—успакаивал волнующихся Мармелад.—Ну, как может вам частник отвечать за гостовар? Я его делаю? Они его делают! Они меня заставляют торговать дрянью! Что—я могу залезть в каждую коробку или в тюбик? Нет же! Мне продают, и я продаю... За свой товар, что я сам делаю, я отвечаю! Я прежде, чем продать свой товар потребителю, применяю на свою жену для пробы. Посмотрите на ее цвет лица!

Покупатели смотрят с удовольствием на цветущий вид жены и говорят:

— Хорошо! Попробуем ваш товар! Но смотрите...

Мармелад берет за свой товар полуторную цену и обещает смотреть.

Дела у Мармелада теперь отличные. Когда он предлагает покупателю госпудру, госпасту и т. п., покупатель ехидно улыбается, говоря:

— Нет уж, хватит! От вашего собственного товара по крайней мере комки теста не пристают к лицу... Хватит мне этих украшений.

М. Коварский

ПОСЛЕ ИСПРАВДОМА

Рис. Л. Бродаты

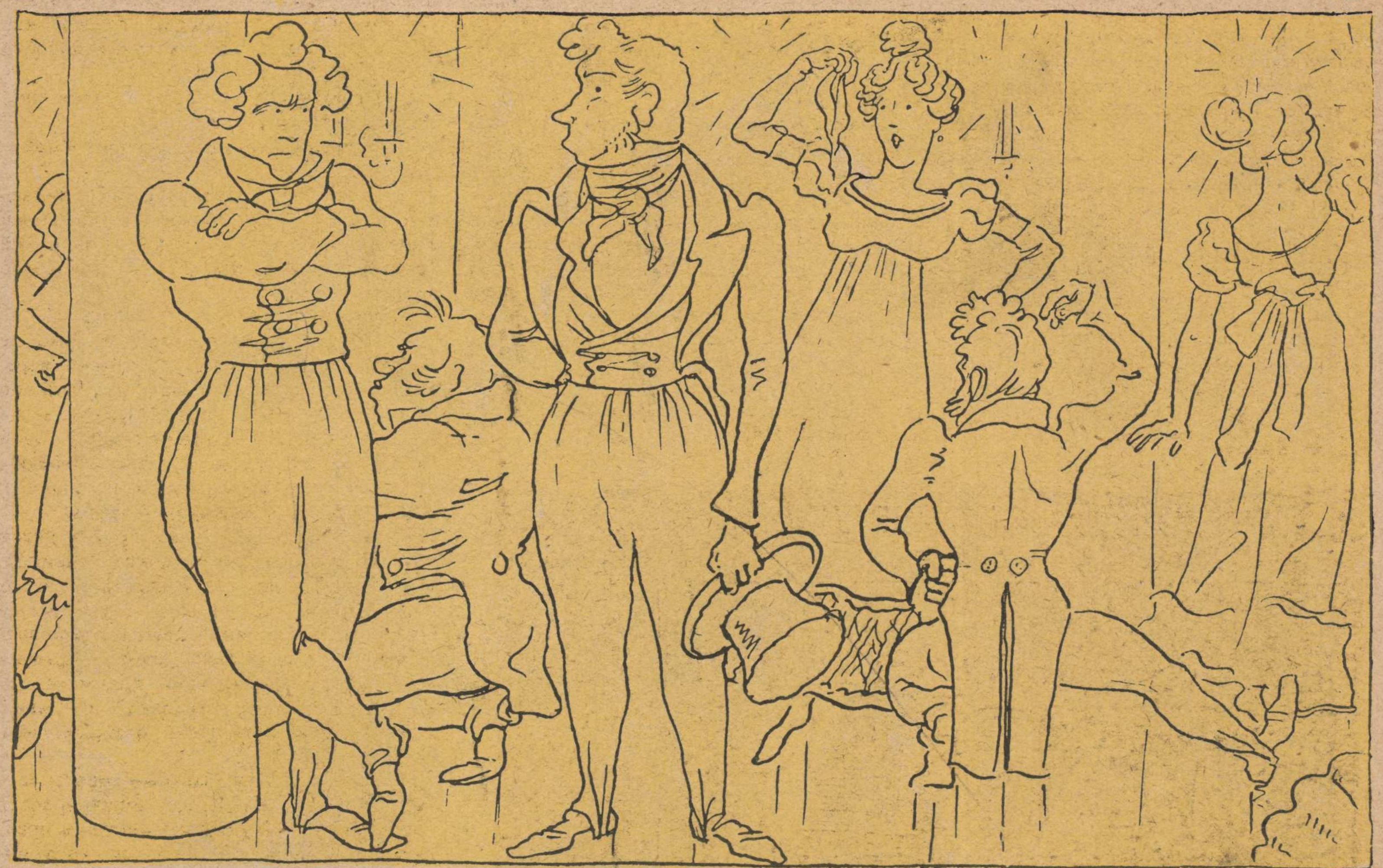
— Не нравится мне эта мода: что ни возьмешь — все в клетку!

49-ый НОМЕР „СМЕХАЧА" — СПЕЦИАЛЬНЫЙ

„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“ ПО-НОВОМУ

Рис. Н. Радлова

В сборнике, изданном Главполитпросветом, рекомендуются только характерные танцы: гопак на Украине и трепак в Великороссии.
Из газет.

— Что ты, Ленский, не танцуешь?
— Да видишь ли — старые танцы не рекомендуются, а новых я не знаю...

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Сыновья Болдуина, Макдональда и Гендерсона основали новую социалистическую партию.

Не придумать сказки краше:
Жили-были три папаши,
Три влиятельных отца.
Ламца-дрица а ца-ца.
Первый папа — с важным чином;
Звали папу Болдуином;
У второго — был фасон;
Третий — просто Гендерсон.
И у каждого папаши
Сыновья растут—апаши,
Три законные птенца.
Ламца-дрица а ца-ца.
Первый сын был важным сыном;
Звали сына Болдуином;
У второго — был фасон;
Третий — просто Гендерсон.
У других детей — забавы;
А у этих — жажда славы
И горячие сердца.
Ламца-дрица а ца-ца.
„Хорошо нам жить на воле.
Поиграть в эс-деки, что-ли?
Это-ж сказка! Это-ж сон!“—
Предлагает Гендерсон.
И, без всяких „или-или“,
Сразу „партию“ скроили
Три веселых сорванца.
Ламца-дрица а ца-ца.
Но и в партии чин-чином:
Первый ходит Болдуином,
Номер два — его „гарсон“ *),
Третий — просто Гендерсон!

Владимир Воинов

*) Мальчишка для побегушек.

В СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ

После деловых речей собрание перешло к тихой беседе. Полились задушевные воспоминания.

Старый доктор припоминал взволнованно:

— Позвольте... В котором это году мы с вами, Фанни Осиповна, впервые встретились? Если не ошибаюсь...

Седая Фанни Осиповна отвечала радостно:

— Мне кажется, в том году, когда пациентка ударила меня по переносице скалкой от белья...

— Да, да... Я помню... Такая скалка еще. Дубовая, с коричневым пятнышком... А со мной что было?

— А вы еще тогда, Алексей Захарыч, жаловались на боль в боку. Это у вас осталось, если не ошибаюсь, от самосуда в Сызрани...

— Да, да... Только не в Сызрани, а в Самаре... А в Сызрачи это Гриниченке пепельницей руку сломали...

— Как же, как же... Припоминаю... Руку и бедро...

Разговор сделался общим. Врачи оживились.

— А Пестрюкова помните? — допытывался хирург маленького роста.—Его еще к Гринбергу привезли с выбитым глазом, а Гринберг сам лежит с вывихнутой челюстью...

— Да, да... Еще тогда молодому Пыжикову плюнули в лицо и ударили по голове клистирной трубкой...

— А он, чудак, обиделся... Ушел из больницы. Через месяц скапутился-таки в Вологде! Ржавый гвоздь—ничего не поделаешь!

— Да, да... Гвоздь и бутылка—это самое опасное. Осколки, потеря крови..

— А лучше всего, говорят, в Бийске было. Тихий город. Самое большое, когда матюгнется кто или калошей по уху съездит...

— Да, хороший был городок... Смирный. Ничего не скажешь...

А хуже всего было в столицах. Раз одного доктора из окна амбулатории выкинули...

— С 3-го этажа...

— Вдогонку ночной столик выбросили...

После беседы, все еще во власти воспоминаний, осматривали в соседних комнатах музей. Хранитель музея, бывший зубной врач, рассказывал бойко:

— Здесь вы видите, уважаемые коллеги, лишь весьма небольшую часть орудий борьбы пациентов с врачами. Фантазия нашего народа неистощима. Здесь вы видите спинку от стула, ведро, копченого сига, кусок корабельного каната, утюги. На-днях нам обещают еще прислать 2 ножки от рояля, походную кровать и «Всю Москву». А вот на этой доске занимательная диаграмма: большой кубик—врач до входа в амбулаторию, маленький—после выхода оттуда. Направо, на отдельной витрине, вы видите, так сказать, нашу гордость—любезно вынутый из себя профессором Квочкиным прекрасный финск... Ой!

Все обернулись. На пороге стоял неизвестный рыжий детина и зловеще посмеивался. В руках у него был поднос. Врачи привычно сняли часы и пенснэ. Хирург втянул плечи, глотнул воздух и шепнул:

— На что жалуетесь, уваж...

И сразу замолчал, увидев подходящего верзилу.

— Я не жалуюсь! — сказал рыжий.—Зачем жаловаться? Дядька мой сторож, действительно, в церкву пошел, только я жаловаться не буду. Как я вам, все одно, заместо его закуску подал. Пожалуйте, доктора, завтракать!

И, снова радостные, надевая на ходу очки и часы, все пошли пить чай.

Ал. Нератов

49-ый НОМЕР „СМЕХАЧА“
СПЕЦИАЛЬНЫЙ

БРАЧНЫЕ ВУЗЫ

Рис. В. Лебедева

1-ый вузовец:—А у меня, брат, сынишка родился—весь в меня!
2-ой вузовец:—Да ему всего месяц от роду, как-же ты сходство нашел?
1-ый:—Да вот, понимаешь, он за весь этот месяц, как и я, ни белого хлеба, ни мяса не ел!

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Рис. Айвазовского-Антоновского

Вы помните эту жуткую картину Айвазовского — „Девятый вал“? Зарвавшаяся стихия бушует... Громадные волны трехэтажно вздымаются к небесам. Шум, хаос, беспорядок среди океана...

На обломке погибшего корабля — несколько несчастных, цепляющихся в порыве отчаяния. Скорой помощи нет как нет!.. Вот-вот они сорвутся и исчезнут в пучине...

Но тут обождите, читатель, пугаться.

Нам удалось найти другой вариант картины, более правильный и менее страшный.

Несмотря на то-же количество воды, картинка выглядит совсем иначе. Тут все то же: и обломок, и гражданин. Но смотрите, как он бодр и уверен. Никакая буря ему не страшна.

А почему?

А потому, что подписчик „Смехача“.

Однако же, неужели он так-таки ничего не боится?

Боится, не скроем. А боится он — как бы волны не забрызгали и ветер не вырвал из рук дорогой его сердцу номер журнала —

СМЕХАЧ

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

ХУДОЖНИКИ: Ю. Анненков, Б. Антоновский, М. Бобышев, Л. Бродаты, М. Добужинский, И. Каликин, В. Козлинский, В. Лебедев, Б. Малаховский, Ив. Малютин, Д. Митрохин, А. Радаков, Н. Радлов, К. Рудаков, В. Сварог, А. Успенский, М. Черемных, С. Шемиот, Г. Эфрос и др.

ЛИТЕРАТОРЫ: Азиат, Вас. Андреев, Мих. Андреев, Альми (Радзиевский), И. Бабель, Владимир Воинов, Р. Волженин, Э. Гард, Исидор Гуревич, Евграф Дольский, Мих. Зощенко, Н. Иванов (Грамен), Вал. Катаев, Вас. Князев, М. Козырев, М. Коварский, Вас. Лебедев (Кумач), Лидия Лесная, К. Мазовский, А. Македонский, В. Маяковский, К. Милль (Полярный), А. Нератов, О. Л. Д'Ор, Ю. Олеша (Зубило), Ив. Кузьм. Прутков, М. Пустынин, М. Тимен, С. Тимошенко, Н. Тихомиров, В. Толбяков, Н. Урванцов, Дм. Цензор, Александр Флит, В. Финк, К. Шелонский, Вяч. Шишков и др.

Подписная плата: на год — 6 р., на 6 мес. — 3 р. 20 к., на 3 мес. — 1 р. 70 к., на 1 мес. — 60 к., для подписчиков „Гудка“ на 1 мес. — 50 к.

Подписка принимается: в конторе „Смехача“ — Ленинград, Просп., 25 Октября, д. 88; в конторе из-ва „Гудок“ — Москва, Солянка 12, дворец Труда, и во всех почтовых отделениях и конторах по приему подписки на все издания.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЧИСТКА СОВЕТСКОГО КАРМАНА

„Саратовские Известия“ задают глубокомысленный вопрос:

1) Сколько времени можно красть в нашем советском учреждении, не будучи накрытым?

2) Какую долю из оборотных средств учреждения можно безопасно положить в собственный карман?

Газета со вздохом приходит к выводу, что этот вопрос надлежит решать на практике.

Вот, например, задержали за хулиганство заведующего Сар. адресн. столом Баимова. Новый временный заместитель заведующего выяснил, что Баимов... украл из кассы адресного стола 6000 руб. В течение 10 лет он продавал адресные листки. И день и... клал себе в карман?

В день десятилетнего юбилея Баимова саратовские власти нашли в своем распоряжении только один адрес, достойный Баимова, и поднесли ему в скромной обстановке. Это был адрес саратовского исправдома.

КИШКА ТОНКА!..

Решило Каракольское отделение „Кирторгсырья“ (Туркестан) навести режим экономии:

Уволили трех рабочих кишечного завода. Съэкономили 600—700 р. и..., *получили убытку на несколько тысяч*, так как оставленные без присмотра огромные партии кишек испортились и были уничтожены.

(„Пр. Вост.“).

Не всякий дурак может навести экономию!

У каракольских дураков определенно кишка тонка.

ПАРИ В РЕЧИЦЕ

Как оживить клубную работу и привлечь в клуб рабочую массу?

Над этим вопросом ломают себе голову рабочие клубы Союза. Речицкий рабклуб (Гомельск. губ.) нашел блестящий выход из положения:

Он бросил в массы лозунг: *„Кто больше съест или выпьет в буфете?“*

В ненастный вечер 25-го октября в Речицком клубе разыгралась следующая занятная картина:

Некий расторопный парень, по всему видать—заядлый физкультурник, взялся на пари съесть двадцать пять пирожных в продолжение тридцати пяти минут. Такой обжорно-физкультурный рекорд — невероятно взволновал посетителей клуба и членов правления—больше всех других.

Началось состязание.

Свидетели сосредоточенно наблюдали.

Первую дюжину рекордсмен съел легкомысленно—в каких нибудь десять-двенадцать минут.

На двадцатом пирожном „маэстро“ замедлил темп. Заколотил еще одно—и запнулся.

— Двадцать пять минут,—отсчитывал судья.

Парень перевел дух, и съел двадцать второе, двадцать третье.

— Хоть на двадцать пятом подавись,—умолял кто-то.

Спортсмен позеленел, и потянулся к последнему.

Вдруг — парень пошатнулся, ухватился за живот... и бурно поехал в „Ригу“.

Поднялся невероятный галдеж.

Пари было проиграно. („П. П.“)

Прочитав заметку, кто посмеет сказать, что рабклуб не взял массу за живое?

И тем не менее неловко, товарищи, в эпоху социализма строить клубную работу на... пирожных с кремом!

Едят их в Речице, а нас в Ленинграде тошнит.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Рис. А. Радакова

— Подайте, гражданка, что вашей милости не жаль: за прокат ребятенка платить нечем...

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Имеет ли право на любовь гражданин Союза Советских Социалистических Республик?

Как будто имеет. Однако, читайте:

„Протокол №...

Комитета охраны труда г. Архангельска от 14 сентября 1926 г. л. з. № 8. Присутствовали — Борисов, Смигель и Шарыпова.

СЛУШАЛИ:

1. Заявление рабочих общежития дома № 8 на предмет *удаления из общежития рабочих г. Дмитровой Парасковьи, так как последняя ходит туда для любовных свиданий с обрезчиком Теплухиным и даже спит по ночам.*

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Удалить Дмитрову из общежития дома № 8 и в дальнейшем, при появлении Дмитровой в общежитии рабочих, заводоуправлению для устранения принять строгие меры для изолирования.

2. Согласно правил внутреннего распорядка, табель взысканий параграф № 8 —охрана труда считает предложить заводоуправлению вопрос урегулировать *вплоть до репрессивных мер*“.

(„В“).

Придется несчастному Теплухину устраивать свиданья на темной и грязной улице, которая не подчиняется Арх Охране Труда...

ЭПИТАФИЯ

(Почти по В. А. Жуковскому).

Подлежат закрытию: курсы НОТ при ин-те по изучению мозга, госкурсы техники речи, курсы торговых агентов, курсы кинорабoтников, курсы землеустройства и др.

Из газет.

О сих бесчисленных, которые на свет
Дипломных неудачников плодили,
Не говори с тоской: „Их нет“, —
Но с благодарностию: „Были“.

Аз кий

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Издательство «Молодая Гвардия» выпустило сборник пьес под названием «Пионерский Театр».

Вот как в одной из рекомендованных пьес врач обращается к больному юному пионеру:

— Ванька! В рот те хрену с перцем.
Что же ты наделал с сердцем?..

Но бедному Ваньке в рот полезла бы еще бо́льшая дрянь, если бы этот Ванька пожаловался, скажем, на боль в животе. Врач, по всей вероятности, ответил бы так:

— Ванька! В рот те лягушка с дохлым котом!
Что же ты наделал с животом?..

Говорят: «хрен редьки не слаще», но «хрен с перцем» все же слаще «лягушки с дохлым котом»...

*

Если бы поэту Тредьяковскому, известному одописцу 18-го века, предложили написать о туберкулезном дне,— оный Тредьяковский изобразил бы следующее:

... Когда пронзительная слякоть,
Болот ингерманландских гость,
До дрожи пробирает кость
Через простуженную мякоть,
И ласку скудную даря,
Скупая падчерица Феба,
Играет блёклая заря —
Плевок чахоточного в небо...

И так далее, все в таком же тредьяковско-ломоносовско-державинском стиле...

Но не странно ли читать такие стихи в наше время на столбцах вечерней «Красной Газеты» (№ 275) за подписью поэта, благополучно здравствующего в 1926-ом году?

ИСКУССТВО И ТЕХНИКА

Рис. Б. Антоновского

Монтер на концерте: — Елки-палки, сколько на люстре свету! Стоит ли эта игра этих свеч?!

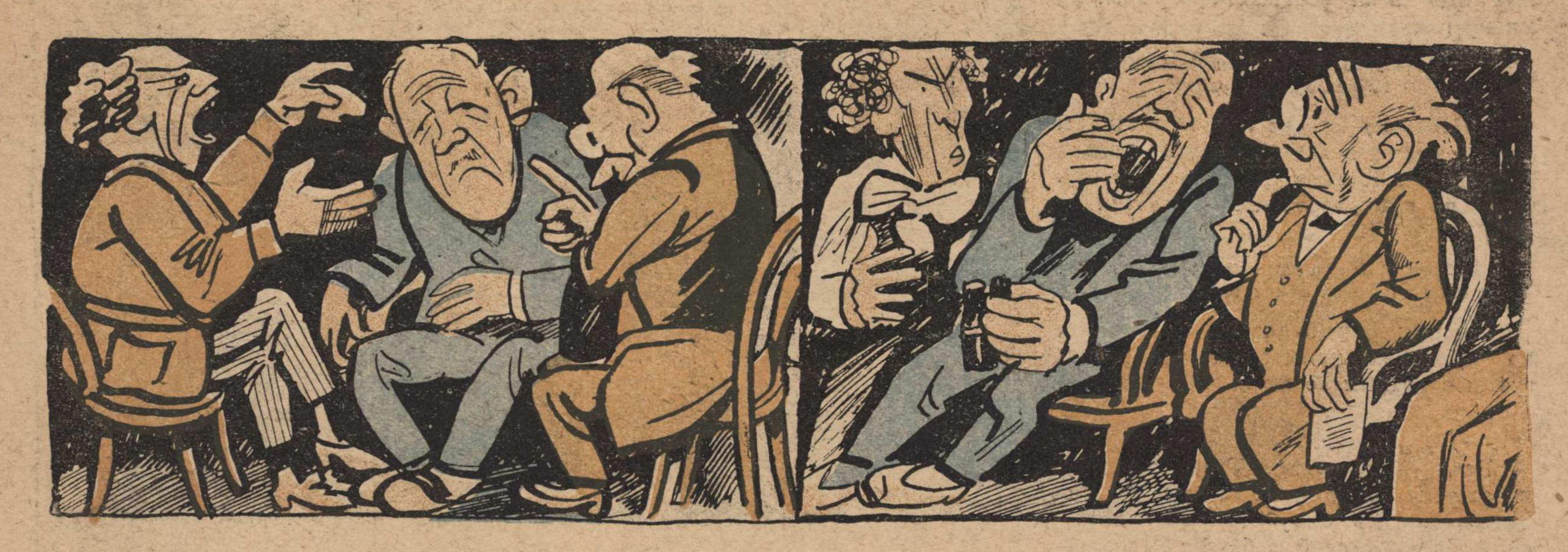
Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор И. Н. Пирогов.

Ленинградский Гублит № 27090. Гос. тип. им. тов. Зиновьева, «Изд-ва Лен. Правда», Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 5490. Тираж 80.000

ИЗМУЧЕННЫЙ, НО ИЗУЧЕННЫЙ!

Театрально-исследовательские мастерские в Москве и Ленинграде приступили к изучению зрителя в театре.
Из газет.

Рис. А. Радакова

Что может быть скучнее пустого зрительного зала? И как же это так сделать, чтобы зритель валом повалил в театр? Ясно как: надо назначить комиссию по изучению этого подлеца-зрителя.

И взяла комиссия за жабры зрителя-середняка, и привела его в оперу. Опера играет, зритель с ног до головы зевает.
— Ого! — думает комиссия: — Не доходит! Не в коня корм! Так и запишем.

И привели голубчика в драму. Драма играет, а зрителя пуще разбирает.
— То-есть, глядите — и тут не доходит!

И вот они в цирке.
— Ну-ну! — обалдела комиссия: — До чего ж его, негодяя, от скуки свернуло! Прямо сказать, смертный трюк!

Выкатились из цирка. У зрителя — в чем душа! О постельке всесторонне мечтает...
И увидела комиссия афишку: „Сегодня лекция..."
— Вот его куда поведем!

Привели. И что же? По лицу видно, что дошло до зрителя и проняло насквозь.
Обрадовалась, конечно, комиссия.
— Так — говорит — и запишем: наукой горячо интересуется.
А лекция, кстати, была — „Половой вопрос".